

Александр Михайлович Скабичевский

Г. Щедрин как современный гениальный писатель

Александр Скабичевский

**Г. Щедрин как современный
гениальный писатель**

«Public Domain»

1876

Скабичевский А. М.

Г. Щедрин как современный гениальный писатель /
А. М. Скабичевский — «Public Domain», 1876

«...Я убежден, что к числу писателей-колоссов, слава которых не умаляется, но, напротив того, возрастает с каждым поколением и веком, будет принадлежать г. Щедрин. Да, господа-плакальщики над печальным положением современной литературы! если бы вопли ваши были справедливы и вся наша современная литература никуда не годилась, то не забудьте: в ваше время существует г. Щедрин, и одного г. Щедрина достаточно, чтобы считать ваши вопли жалкою, постыдною слепотой. Знаете ли вы, приходило ли вам в голову подумать, что такое г. Щедрин? Ведь это один из тех народных и, вместе с тем, общечеловеческих сатириков, вроде Рабле, Мольера, Свифта, Грибоедова и Гоголя, смех которых раздается громовыми раскатами под сводами веков...»

Александр Михайлович Скабичевский

Г. Щедрин как современный гениальный писатель

Я убежден, что к числу писателей-колоссов, слава которых не умаляется, но, напротив того, возрастает с каждым поколением и веком, будет принадлежать г. Щедрин. Да, господа-плакальщики над печальным положением современной литературы! если бы вопли ваши были справедливы и вся наша современная литература никуда не годилась, то не забудьте: в ваше время существует г. Щедрин, и одного г. Щедрина достаточно, чтобы считать ваши вопли жалкою, постыдною слепотой. Знаете ли вы, приходило ли вам в голову подумать, что такое г. Щедрин? Ведь это один из тех народных и, вместе с тем, общечеловеческих сатириков, вроде Рабле, Мольера, Свифта, Грибоедова и Гоголя, смех которых раздается громовыми раскатами под сводами веков. Меня нередко обвиняли в смелости сравнений в таких случаях, когда мне и в голову не приходило ставить какого-нибудь современного русского писателя наравне с теми или другими литературными колоссами русскими или иностранными, и я заявлял только, что разбираемый мною писатель пишет в жанре или духе того или другого колосса. Неужели, в самом деле, сказать, что сюжет комедии г. Островского «Волки и овцы» составлен в жанре шекспировских комедий, – значит ставить г. Островского наравне с Шекспиром? Неужели, если вы скажете, что г. Яков Полонский написал «Келиота» в духе байроновской поэзии, подобным суждением вы возводите г. Полонского на байроновскую высоту? Но в настоящем случае я отдаюсь всецело в руки своих, всякого рода, порицателей и имею смелость заявить, что в лице г. Щедрина мы имеем сатирика, который, наверное, будет, со временем, беспристрастными судьями-потомками поставлен не только на одну высоту с Гоголем, но во многих отношениях выше его. В самом деле, если Гоголь в чем превосходит г. Щедрина, то, единственно, в чисто эстетическом отношении, в художественно-техническом. Дело в том, что Гоголь долго работал над каждым своим произведением, обтачивал каждую, фразу и малейший штрих. Известно ведь, что он советовал не иначе издавать в свет произведение, как собственноручно переписавши его раз до восьми, и при каждом, таком переписывании делая новые и новые поправки. Он сам постоянно практиковал подобное правило, что свидетельствуют многочисленные варианты каждого его произведения. Совершенно иначе работает г. Щедрин: это – писатель-журналист, пишущий ежегодно по тридцати печатных листов. Я убежден, что ему некогда бывает не только переписывать и поправлять, но и перечитывать свои произведения. При подобной скороспелости он не имеет времени довести каждую свою работу до такой художественной зрелости, чтоб она представляла стройное гармоническое целое, причем художник мог бы округлить свои образы, выбросить из своего произведения все излишнее, все массы загромождающих рассуждений и, так сказать, специализироваться в области чистого художественного творчества. Напротив того, вы видите, что в каждом своем произведении г. Щедрин является и художником-сатириком, рисующим перед вами образы, поразительные своею гениальною широтою и меткостью; и критиком, тут же подвергающим эти образы иногда самому отвлеченному анализу; и публицистом-памфлетистом, и карикатуристом-обличителем, и только что не этнографом. В этом отношении г. Щедрин, конечно, уступает Гоголю и является вполне сыном нашего века, в который искусство, с своей чисто-эстетической, технической стороны, бесспорно, находится в падении сравнительно с тою тщательною отделкой, доходящею до чопорности, с какою отделявали свои произведения современники Жуковского, Пушкина и Гоголя. Но что касается до глубины и широты мирозерцания, что касается до общественного и общечеловеческого значения образов, то Щедрин в этом отношении настолько же превосходит Гоголя, насколько век наш стоит выше гоголевской эпохи. Если

вы не ограничитесь поверхностным чтением сатир г. Щедрина ради одной потехи и отыскания смешных мест, чтобы вдоволь нахохотаться и надорвать животики под обаянием неподражаемого комизма гениального сатирика, если вы начнете вчитываться и вдумываться в каждое его произведение, изучать их, то вы постоянно будете открывать новые и новые глубины, поразительное знание человеческого сердца и такие существенные черты жизни и человеческой природы, выставление которых присуще только гениальным писателям. В г. Щедрина поражает еще одно свойство, весьма редкое в нашей литературе, – именно, постоянная прогрессивность таланта и притом в такие лета, в которые большинство русских писателей считают поприще свое уже совершённым, повторяются, обесцвечиваются и, что всего печальнее, постыдно отрываются от всех своих упований и убеждений молодости. Это уже всем приевшаяся старая истина, что российский писатель если не исчерпывается весь в своем первом произведении, если переживает молодость, то кое-как еще развивается в своем таланте до сорокалетнего, много сорокапятилетнего возраста, а затем к пятидесяти годам начинается быстрое, неудержимое падение таланта, оскудение творчества, отупение и постыдно-малодушное поползновение поклониться вновь тому, что в молодости сожигал, и начать сожигать, чему поклонялся. В г. Щедрина, напротив того, мы видим постоянное и неизменное развитие таланта. В г. Щедрина как авторе «Губернских очерков» были одни только кое-какие задатки того, чем сделался Щедрин в шестидесятые годы. Но и г. Щедрин шестидесятых годов совсем не то, что г. Щедрин семидесятых. Тем более трудно определить предел роста этого колоссального таланта, что в каждом новом произведении открываются новые стороны и богатства его. Кажется, что после «Истории одного города» г. Щедрин ничего не напишет лучшего, что это *chef d'oeuvre* его деятельности. Но в последних «Благонамеренных речах» его – в «Семейном суде», «По-родственному» и в «Семейных итогах» – открывается еще новая сторона его таланта: именно, уметь выставлять не только одну смешную, пошлую сторону жизни, но и обнаруживать в этой пошлой стороне потрясающий трагизм. Главный герой этих трех рассказов, Порфирий Головлев, возбуждает в вас не один уже смех, но отвращение, смешанное с ужасом. Что бы ни говорил Щедрин о различии русского тартюфства от западноевропейского, Порфирий Головлев – это один из тех общечеловеческих типов вроде Яго, Тартюфа, Гарпагона, которые в продолжение многих веков служат нарицательными именами для представления самого крайнего искажения человеческой природы. Личности, окружающие Порфирия Головлева, смешны, ничтожны, в своем роде отвратительны, но они возбуждают в вас глубокую, скорбную жалость, когда вы видите их в руках этого Иудушки и закидывателя петель. Даже сама патриарша головлевского рода, Арина Петровна, столь грозною рисовавшаяся перед нами в «Семейном суде», в своем дореформенном величии, является в последнем очерке г. Щедрина подавленной новыми порядками, сбитою с своего пьедестала, ограбленную своим сыном, все тем же Иудушкой. Посмотрите, как она унижается перед ним, заискивает, как возмущаются и стонут в ней кое-какие остатки человеческих чувств перед непоколебимым бесчеловечием Иудушки, перешедшим всевозможные пределы лицемерной черствости. Посмотрите, как она отчаянно хватается за последний атрибут своей попорченной патриархальной власти – за свое родительское проклятие, конечно, чтобы испытать безуспешность и этой последней соломинки. Сердце надрывается у вас, и мурашки пробегают по коже. Судите сами, зрелище какого страшного искажения человеческой природы нарисовал перед вами г. Щедрин, что он мог заставить ужаснуться перед этим зрелищем даже старуху Головлеву, эту, в свою очередь, развалину человечества. Я не буду останавливаться на самых потрясающих и решительных моментах всей этой мрачной повести, вроде, например, беседы Порфирия Головлева с умиравшим братом Павлом Владимировичем или заключительной сцены проклятия, – я выпишу два места, не отличающиеся особенной эффектною, но это такие два места, за которые г. Щедрин слишком мало ставить наравне с Гоголем, при всей гениальности последнего. Первое из этих мест – это беседа Иудушки с матерью во время выюги. Вот часть этой беседы, наиболее поразительная:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.